Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Отворотное зелье

Охотница на ведьм

Охотница на ведьм

Екатерина Савина

Отворотное зелье

«Научная книга»

Савина Е. И.

Отворотное зелье / Е. И. Савина — «Научная книга», — (Охотница на ведьм)

Обладающая экстрасенсорными способностями рекламный агент Ольга Калинова соглашается помочь своему приятелю — приворожить девушку Нину. Но она не представляет, какие силы будут при этом разбужены, и кто стоит за Ниной, снабжая ее таинственным зельем, способным изменять реальность.

© Савина Е. И.
© Научная книга

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 19
Глава 4 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Екатерина Савина
Отворотное зелье

Глава 1

Васик повернул ручку приемника, и тотчас звуки безымянной мелодии складно и сладко заполнили сгустившуюся в салоне автомобиля тишину.

Васик снова вздохнул и посмотрел на замершую утреннюю улицу, где старика с разбитым лицом, судя по всему, только что проснувшегося на какой-то лавочке, выглянувшее солнце снова заставило идти куда-то и волочить за собой такую же дряхлую, как и сам старик, серую тень.

«Посмотреть на часы или не посмотреть? – подумал Васик и вдруг заметил, что в его пальцах дымится наполовину истлевшая сигарета. – Докурю, тогда посмотрю, – решил он, но тут же, повернув лежащую на обруче руля руку, искоса глянул на свои часы и проворчал:

– Два часа и сорок минут, – проворчал он, – два часа и сорок минут прошло… Ну, все еще пять минут жду и еду домой. Только пять минут. Максимум – десять.

Через полчаса он выключил приемник, а еще через столько же, пошарив в лежащей на панели управления сигаретной пачке, убедился, что сигарет не осталось ни одной. Васик покрутил головой и решительно повернул ключи в замке зажигания, но вдруг снова заглушил мотор, едва слышно вскрикнул и уставился в окошко…

* * *

– И дальше что? – поинтересовалась я. – Что ты там увидел?

– Ее, – тоскливо протянул Васик и откинулся на спинку кресла. – Она мне на вечер встречу назначила, а потом отменила, сказав, что задержится на работе. Ну, я подумал: подожду, сюрприз устрою. Букет огромный купил. Всю ночь звонил, понимаешь, но ее не было дома. Потом у подъезда утром ждал, ждал… Ну а когда время уже к обеду – смотрю, идет. Счастливая такая – сумочкой помахивает… Косметика на лице свежая… – Он вздохнул. – А блузка чуть помята – пониже ключицы две параллельные складочки.

Васик замолчал и мрачно уставился на дно кофейной чашечки.

– Н-да, – проговорила я, закуривая, – вот так дела. Никогда я тебя, Васик, таким не видела. А, казалось, будто знаю хорошо тебя. Влюбился, значит?

Васик, не отрывая взгляда от чашечки, обреченно кивнул.

– А она?

Неопределенное пожатие плечами. Вздох.

– Понимаю, – кивнула я, – ситуация не сказать, чтобы экстраординарная. Скорее наоборот. Но все равно не грусти, Васик, такое случается…

– А мне от этого легче, что ли? – тоскливо осведомился Васик. – Что такое бывает? Я, может быть, первый раз в жизни влюбился, а она на меня вообще никакого внимания не обращает. Я уж и так и так… И цветы, и шампанское, и подарки дорогие… Стишки даже выучил, чтобы интеллектом поразить. Вот послушай…

Он закатил глаза к потолку и заговорил, беспрестанно прерывая вдохновенную речь мычанием и мемеканьем:

– Дым табачный воздух выел… Комната – глава в кру… э-э… м-м… крученыховском аду… аде. Вспомни, за этим окном впервые руки твои, исступленный, гладил… М-м… Слов моих сухие листья ли… э-э… заставят остановиться жадно дыша?.. Дай хоть последней неж-

ностью выстелить твой уходящий шаг… Э-э-э… М-м… Эта любовь мне не по силам. Пока. Целую. Твой Василий.

– Я в конце немного от себя присочинил, – добавил Васик, закончив декламировать, – чтобы она подумала, будто это я сам для нее написал. Правда, здорово, а, Ольга?

– Правда, – согласилась я, – а как вы с ней познакомились?

Васик закурил и вытянул свои длинные ноги на середины комнаты, отчего стал похож прислоненную к стене этажерку.

– В прошлую субботу я нажрался, – начал он, – дружка одного встретил, с которым в университете учился, ну и… А в воскресенье проснулся и понял, что, если не опохмелюсь, то понедельника мне не дожить. Пошел в первый попавшийся кабак, а это не кабак оказался, а кафе. Ну, заказал себе пятьсот граммов и салатик. Выпил, стал по сторонам смотреть, а за соседним столиком сидит такая… – Васик сладко зажмурился и пошевелил в воздухе растопыренными пальцами – будто гладил кого-то невидимого, – такая… И завтракает булочками с чаем… Волосы белые-белые, пушистые, пушистые… Блондинка, в общем. На щеке родинка, на шее – еще одна. А глаза огромные, как… как две чашки кофе. У меня сразу дыхание перехватило, – проникновенно поделился Васик и надолго замолчал.

Я осторожно потушила сигарету в пепельнице и, стараясь не шуметь, налила себе и своему собеседнику еще кофе.

Васик все молчал. По его лицу блуждала растерянная и виноватая улыбка.

– А дальше? – шепнула я, когда почувствовала, что молчание стало слишком затягиваться.

– А? – встрепенулся Васик.

– Дальше – что было?..

– Пить мне больше не надо было, вот что, – поморщившись, сообщил Васик, – я, как эту девушку увидел, сразу разволновался почему-то и все свои пятьсот граммов в два захода допил. А потом еще пива заказал. Короче говоря, когда я к ее столику знакомиться подошел, я едва «мама» мог выговорить. Что-то бормотал, а она посмеялась и ушла. Ну, на следующее утро я снова в то кафе пришел. Приоделся – костюм, галстук, ботиночки, часы нацепил – золотые – мне их батя в Швейцарии за четыре тонны баксов прикупил. И жду ее. Она пришла и снова – булочки, чай. Я – к ней. Извините, то-се, нажрался я, плохо себя чувствовал. Шампанское заказал и все, что в той кафешке поприличнее было – тоже заказал. А она – снова посмеялась. И ушла. Правда я у нее телефончик тогда выпросил. Буквально на коленях стоял. Ну, а по телефону потом и адрес определил.

Я представила себе презентабельно упакованного Васика, бухающегося со стула на колени и не смогла удержаться от улыбка.

– Ну вот, – оскорбленно проговорил Васик, – и ты теперь смеешься. Ну, что вы во мне смешного находите-то? Волосы у меня длинные? Так я их причесываю теперь и гелем укладываю. А, может быть, скоро и совсем постригусь. И пить… поменьше буду.

– Я не смеюсь, – ответила я.

– Ты-то, может быть, и нет, – смягчился Васик немного, – а вот она… Посмотрит на меня и смеется. Даже говорить не может толком.

– Смеется – это уже хорошо, – постаралась успокоить я Васика, – если было она, на тебя глядя, плакала, было бы гораздо хуже. Положительные эмоции обычно посредством смеха выражаются.

Васик качнул головой и раздавил в пепельнице сигарету.

– Прямо не знаю, что мне и делать, – высказался он, – я ей телефон оборвал – и звоню, и в гости приезжаю, и цветы шлю каждый день, а она… Такое впечатление, что она меня всерьез совсем не воспринимает. Будто я игрушка плюшевая, а не человек.

Он помолчал немного и вдруг спросил, сильно подавшись вперед:

– Вот я и подумал, Ольга, – выговорил Васик, – может, ты мне поможешь?

– Я? – удивилась я.

– Ты, – подтвердил Васик.

– А чем я могу помочь? – поинтересовалась я. – Позвонить твоей… Кстати, как ее зовут?

– Нина, – выдохнул Васик.

– Позвонить твоей Нине и рассказать ей о том, какой ты хороший на самом деле? Мне почему-то кажется, что Даша с этим справится лучше. У нее дар – людей уговаривать. К тому же, она психолог. Хочешь я ей позвоню и попрошу ее тебе помочь?

– Да нет! – Васик даже притопнул ногой. – Я не про это. Я про другое. Ты же у нас не обычный человек. Ты же у нас это… экстрасенс. Вот и приворожи Нину. Сделай так, чтобы она в меня влюбилась сильно-сильно. Для тебя это пустяк, а для меня… Для меня это все. Ну, Ольга, я тебя очень прошу. Ведь ты же знаешь, как… Никто, кроме тебя такого сделать не может…

Васик, застыв в позе горного орла, вцепился побелевшими от напряжения пальцами в подлокотники кресла.

– Ну, Васик… – только и сказала я.

* * *

Васик был прав. Я действительно обладала исключительными экстрасенсорными способностями, доставшимися мне в наследство от моей прабабушки, которую на деревне, где она жила, называли ведьмой… Ведуньей ее называли.

Мой дар позволяет мне видеть образы в сознании собеседника, и таким образом – узнавать его намерения и просчитывать ходы – и вовсе не важно, на каком языке мой собеседник разговаривает. В последнее время я развила в себе способности проникать также и в глубоко в подсознание людей, тем самым управлять человеком, предварительно вводя его в транс…

Экстрасенсорными способностями обладала и моя сестра-близнец. Это она помогла мне раскрыть в себе неведомую доселе силу. Сейчас Наталья мертва. А человек, погубивший ее, и, кстати, когда-то обнаруживший в ней самой экстрасенсорный талант и развивший его, все еще жив.

Четырежды я пыталась добраться до убийцы моей сестры, четырежды он, проигрывая поединок, ускользал. Но убить его мне не удавалось. И совершенно точно я знаю, что он жив и где-то – в какой-то точке земного шара набирает силы для окончательной битвы…

Его зовут Захар. Он – единственный мой настоящий заклятый враг. Смертельный враг. И он не успокоится, пока не убьет меня. А я не успокоюсь, пока не доберусь до него.

Сколько мне еще предстоит жить в ожидании последней – решающей – битвы?

* * *

– Так поможешь? – снова спросил Васик. – Ты одна мне помочь можешь – больше никто. Понимаешь, Ольга, эта девушка мне… дороже всего. Я ее почти не знаю, но чувствую, что без нее я не могу… Не то, чтобы – жить не могу, а… не получается выразить…

Васик переглотнул и просительно уставился на меня. Я тряхнула головой, разгоняя туман тягостных воспоминаний. Захар… Зря я вызвала в своей памяти его темный образ, теперь зловещее пятно, словно отпечатавшись где-то глубоко на дне моего сознания, еще долго будет маячить у меня перед глазами.

А тут еще Васик со своей любовью…

Как же ему объяснить?

– Ольга! – опять позвал Васик. – Ты что – не слышишь меня?

– Слышу, – сказала я и снова тряхнула головой, – просто задумалась.

– Так ты мне поможешь?

– О чем ты говоришь?.. – вздохнула я. – Ты хочешь, чтобы я вторглась в сознание твоей Нины и заставила ее полюбить тебя?

– Ага! – обрадовался Васик. – Точно так!

– Но ведь это… – я закусила губу, – это же… Ты, Васик, пойми, что такое… насилие над мозгом человека ни к чему хорошему привести не может. Как ты с ней собираешься жить, если каждую минуту будешь бояться, как бы с нее не спали гипнотические чары, как бы она не прозрела и не поняла, что на самом-то деле тебя нисколько не любит? Ты об этом подумал?

Васик шмыгнул носом и опустил голову.

– Думал, вообще-то, – сказал он, – только…

– Что – только?

– Только у меня получилось, что иначе никак не выйдет, – сформулировал Васик, – она только смеется надо мной и выслушать серьезно никак не хочет. А ты… Ты не совсем ее заколдовывай, а только на время. Чтобы она немного посмотрела, какой я могу быть на самом деле… Я ведь не просто так. Я и жениться на ней готов. У меня ведь и квартира есть, и машина есть, и деньги водятся.

– А работы нет, – добавила я.

– Ну, а деньги…

– Папины, – подсказала я, – пока папа твой тебя содержит – у тебя деньги есть, а когда ему надоест это дело и он на тебя – алкоголика и бездельника – плюнет, ты без копейки останешься. У тебя же ни работы нет, ни любимого занятия нет. Впрочем, есть любимое занятие – водку пить, да по ночным клубам шататься. И все.

– Почему?.. – не поднимая глаз, очень тихо выговорил Васик. – Не только… Я ведь и работать могу… Войду к снова отцу в доверие, уверю его в том, что я, как говорится, в ум вошел, а он мне фирмочку какую-нибудь выдаст. Вот так и заживем. Думаешь, плохо?

– Не знаю, – честно сказала я, – если ты и вправду решился – на полном серьезе – взяться за ум, тогда я за тебя рада. И за твою избранницу – тоже рада… Как, ты говорил, ее зовут?

– Нина, – ответил Васик и мечтательно закатил глаза, – Нина Николаевна Рыжова…

Я посмотрела на часы. Вообще-то мне давно пора было ехать на работу. Если бы я рассчитывала попасть туда посредством метрополитена, то я бы опоздала наверняка, но сейчас-то, я думаю, меня Васик подбросит, так что… Так что минут пять можно посидеть еще…

– О-ольга, – снова протянул Васик, – так ты согласна мне помочь или нет?

– Согласна, – сказала я, и мой приятель просиял, – только посоветуюсь сначала с Дашей.

– С Дашей? – удивился Васик.

– С ней, – подтвердила я, – мы вместе подумаем, как твоей беде помочь…

Васик что-то хотел сказать, но, видно, передумал. Он согласно тряхнул головой и легонько пристукнул согнутым пальцем по пустой кофейной чашечке.

«Прекрасно тебя понимаю, Василий, – думала я, глядя на него, – получить все желаемое на блюдечке с голубой каемочкой – это, конечно, замечательно. Раз-раз – Ольга поколдовала – вот у тебя уже и молодая жена есть. К папе пришел, ножкой пошалил, глазки к потолку позакатывал – вот и собственная фирма, и…»

Тут я ход мыслей своих прервала, ощутив, что начинает в моей груди шевелиться нехорошее чувство. Что-то вроде зависти, даже не зависти, а…

– Ладно, – сказала я, – мне на работу пора. Ты меня подбросишь.

– Конечно! – Васик вскочил и засуетился. – Так ты мне… ты мне…

– Помогу, – в который раз сказала я, – сразу после работы поеду в гости к Даше и… Там посмотрим.

– Ага, – кивнул Васик, – спасибо тебе, Ольга. Я всегда знал, что ты – настоящий друг.

– Пожалуйста, – ответила я.

* * *

Дверные створки лифта с чмоканьем сомкнулись за ее спиной. Она шагнула к двери своей квартиры и внезапно почувствовала, что радужное утреннее настроение бесследно улетучилось из ее груди, а образовавшаяся пустота немедленно заполнилась привычным тошнотворным ощущением тупой и безысходной тоски.

Нина Николаевна Рыжова мучительно поморщилась и, сглотнув горькую слюну, со скрежетом повернула ключ в замке. Дверь отворилась, словно открылся рот страдающего нехорошей болезнью старого человека, и Нина шагнула в прихожую.

Минуту она стояла в полной темноте, беспомощная перед обволакивающей ее густой атмосферой гнилой сырости, и, наконец, набравшись решимости, закрыла за собой дверь и включила свет.

Стараясь не задевать стены, с безобразно отстающими обоями, напоминающими пораженную проказой человеческую кожу, она разделась и быстро прошла в свою комнату.

В сумерках маленькой комнатки с никогда не поднимающимися шторами – в углу – что-то белело.

Щелкнув выключателем, Нина присела на краешек старого ободранного дивана с продавленным почти до самого пола брюхом.

Он бросила взгляд на рассыпанный на столе букет белых хризантем и горько усмехнулась.

«Как его зовут? – подумала она вдруг. – Василий?.. Вася?.. Он себя как-то по-другому называл… Василек. Нет, кажется… Но что-то похожее, что-то такое же – уменьшительно-ласкательное… Ага, Васик! Васиком он себя называл. Васик…»

У нее даже получилось улыбнуться.

Нина впилась глазами в белоснежный букет на столе, словно пытаясь удержаться на краю необъятной и мрачной бездны отчаянья, в которую ее тянул неудержимо тяжкий груз привычных безысходных мыслей.

«Славный мальчик, – шепотом проговорила она, мучительно морщась от родившегося за тонкой стеной шороха, – славный, милый мальчик. Он ведь ничего – совсем ничего – обо мне не знает, и тем не менее – влюбился по уши. Нахожу почти каждый день под дверью квартиры цветы, ласковые слова по телефону, нечаянные встречи и свидания, на которые я не прихожу и вряд ли приду когда-нибудь. И глаза у него никогда не улыбаются, хотя ему здорово удается смешить меня…»

Скрипнула, открываясь, в соседней комнате дверь, и Нина крепко зажмурила глаза.

«Я знаю, что он очень хороший человек этот Васик, – быстро-быстро зашептала она, почти беззвучно шелестя побледневшими губами, – наверное, его любовь ко мне – это последнее… хорошее… что еще могло случиться в моей жизни. Но ведь и это скоро закончится, как заканчивается все… И как только он узнает про то, что… Он непременно придет в ужас…»

Неровные шаркающие шаги приближались к двери в комнату Нины. Она снова широко распахнула глаза и едва удержалась от того, чтобы вскочить с дивана, схватить со стола цветы и прижать их к груди – приближающееся шарканье, ставшее много слышней, удержало ее.

«Осталось только несколько секунд, – успела подумать Нина, – несколько секунд до того, как откроется дверь в мою комнату, и…»

Мысли с грохотом заскакали у нее в голове, как крупные градины по покатой жестяной крыше.

«Цветы, – всхлипывая и поджимаясь, думала Нина, – цветы. Я уже столько времени не видела цветов, и как давно мне дарили их – в последний раз… Как жестоко! Какую подлую и пошлую штуку выкинула моя судьба, столкнув со мной этого мальчика Васика, как раз тогда,

когда моя жизнь стремительно катится к концу – и перед глазами уже мелькают свистящие белесой пустотой слепые кадры засвеченной фотопленки…»

Невыносимый шелест шагов на секунду стих, и дверь, тоскливо застонав, приоткрылась, впуская в комнату Нины…

– Принесла?..

Бесцветный голос качнул дрожащую тишину комнаты и смолк.

Нина закрыла и открыла глаза, глубоко выдохнула и только тогда перевела взгляд на вошедшего.

– Принесла? – повторил он.

– Что? – едва слышно выговорила Нина, хотя прекрасно знала, о чем идет речь.

– Деньги, – захрипел вошедший, – деньги… принесла? Тебя не было всю ночь… Ты обещала принести мне деньги… Ты говорила…

– Да, – ответила Нина. – Да, Андрюша, я принесла деньги…

Две или три минуты в комнате было слышно только тяжелое прерывистое дыхание вошедшего. Нина, кажется, не дышала совсем.

Она опустила глаза в пол, а когда снова закрывшаяся дверь в ее комнату легонько колыхнула сырой воздух, когда шаркающие шаги стали медленно удаляться, Нина попыталась заплакать и не смогла.

Она подняла глаза на висящую под потолком голую электрическую лампочку, синюю, словно удавленник, которого некому вытащить из петли вот уже вторую неделю – и подумала вдруг, что голубоватый свет в ее комнате пропах мертвечиной.

Нина поднялась на ноги и достала из своей сумочки несколько скомканных купюр.

Хлопнула дверь в соседней комнате, и за тонкой стенкой раздался протяжный стон.

Нина вздрогнула и заспешила.

– Скорее, сука!.. – вновь простонали за стенкой.

Нина выбежала в прихожую, открыла дверь и, сжимая в вспотевшей ладони купюры, застучала каблучками вниз по лестнице.

Глава 2

Работа у меня интересная, жаловаться не буду. Я уже несколько лет живу в Москве, и год от года мне все больше нравится этот город и москвичи последнее время кажутся не такими уж отвратительными снобами.

В том городе, где я родилась и получила образование, я работала рекламным агентом. То есть – собирала заказы для своей фирмы, занимающейся созданием различного рода рекламной продукцией, выясняла, что именно желают увидеть клиенты в заказанном рекламном ролике или, скажем, на рекламном щите – о чем можно говорить, о чем нельзя говорить ни в коем случае.

Выполняя свои незамысловатые обязанности, я как-то не замечала, что пролетает жизнь, странно и неуловимо меняя очертания окружающего мира.

Сначала от меня уехала моя родная сестра-близнец. Наташа, проснувшись как-то утром, поняла, что наш провинциальный городок никак не может удовлетворить ее запросы, и покатила искать лучшей жизни в столицу.

Оставшись одна, я какое-то еще время моталась по офисам полулегальных фирмочек, вспухавших, словно дождевые пузыри на поверхности мутной реки постсоветских перемен; уговаривала каких-то темных личностей с громкими званиями «президент» и «управляющий» и неизменно бегающими глазами – представить свою фирму потенциальным клиентом посредством рекламы.

Некоторые личности тут же соглашались и просили устроить им нечто пышное, никогда никем не виданное и громкое – чтобы слава об их полуподвальной конторке прогремела на всю страну, а другие – несмотря на совершенно неуловимые глазки – производившие, в отличие от первых, впечатление людей неглупых, криво усмехались в сторону и сдержанно просили меня уйти, из чего я делала справедливый вывод – что о существовании принадлежащих таким товарищам фирм не должен знать даже районный участковый.

А через несколько месяцев на меня обрушилась страшная новость.

Сестра моя, Наталья, проживающая теперь в Москве, убита в собственной квартире, недавно еще подаренной ей – ее новым воздыхателем – Василием. Или, как она чаще всего его называла в наших с ней телефонных разговорах – Васиком.

Я приехала в Москву так быстро, как только смогла. Приехала… И осталась здесь жить – и живу здесь до сих пор.

Убийство моей сестры мне удалось раскрыть, во многом благодаря нашему с Наташей поразительному внешнему сходству и помощи Наташиных друзей – Даши и Васика – которые стали впоследствии моими лучшими друзьями.

Убийство-то я раскрыла, но истинный убийца – не тот, кто нажимал на курок пистолета с глушителем, а тот, кто отдал соответствующее приказание – ускользнул от мозолистых рук столичного правосудия.

Да – имя тому, кто отдал приказ – Захар. И он – мой смертный враг. И нет мне никакого покоя на этой земле, пока я не упрячу этого выродка обратно в огненные котлы ада, откуда он несомненно и вышел, чтобы явиться на наш свет…

Вагон метро, в котором я ехала, качнуло так сильно, что я едва не упала на колени сидящего рядом дяденьки в пестрой лапландской шапочке. Я покрепче ухватилась за поручень, а дяденька, оторвав на секунду глаза от книжки, которую придерживал обеими руками на коленях, хмуро глянул на меня исподлобья и отодвинулся.

Я пожала плечами, как только убедилась, что он на меня не смотрит.

Ну, что могу поделать, если вагон метро время от времени шатает, а ноги мои так устают в конце рабочего дня, что могут иногда и подгибаться.

Да, а работа у меня интересная, жаловаться не буду. Через месяц после моего приезда в Москву – когда только-только закончилась вся эта кошмарная история – я устроилась работать в одну из многочисленных московских фирм, занимающихся созданием рекламы – «Алькор».

Не знаю, как это получилось – то ли сумасшедший ритм жизни столицы так на меня повлиял, то ли красивая внешне жизнь москвичей – со всеми их ночными неоновыми вывесками, шикарными подъездами клубов и дорогими автомобилями – вызвало у меня доселе дремавшее желание самосовершенствования, но через год уже я, перестав удовлетворяться ролью охотницей за клиентами, начала вникать в суть рекламного дела. И сейчас лично выезжаю на встречу только с очень перспективными клиентами.

А вот к вождению автомобиля я так и приучилась. По-моему, только безумный может позволить себе разъезжать по перенаселенной Москве на автомобиле. Безумный – или человек с совершенно стальными нервами. Не являясь ни тем, ни другим, хотя мне прекрасно известны оба эти состояния в силу особенностей моего мозга, обладающим исключительным экстрасенсорным даром, я предпочитаю метро всем иным способам передвижения по городу.

* * *

– Привет, – немного удивленно проговорила Даша, впуская меня в прихожую, – вот не ожидала, что ты придешь. Почему ты не предупредила по телефону?

– А зачем? – снимая плащ, осведомилась я. – По вечерам ты всегда дома… Может быть, ты не одна? Тогда я действительно не вовремя. Нужно было – на самом деле – по телефону…

– Ну что ты! – воскликнула Даша. – Это я говорю глупости, прости… Я не в том совсем смысле…

Она приняла у меня плащ и повесила ее на высокую напольную вешалку.

– Я вот смысле, – продолжала она, подавая мне мягкие домашние тапочки, – я в том смысле, что я с утра ходила по квартире и думала, не испечь ли мне пирог? Вроде бы и хотелось чего-то… сладкого… собственноручно приготовленного… но лень было заводиться. А если бы ты предупредила, что приедешь в гости, то я обязательно испекла бы.

– В следующий раз обязательно звонить буду, – заверила я и прошла вслед за Дашей в гостиную.

– Погоди, – засуетилась вдруг Даша, – я тебя хоть чаем напою.

Я присела за журнальный столик, потянулась к своей сумочке за сигаретами и уже собиралась закурить, как вдруг заметила отсутствие большой старинной бронзовой пепельницы в виде застывшего в металле причудливого цветка с изящно переплетенными лепестками, немного напоминавшими щупальца сказочного морского зверя.

Пепельница всегда стояла в центре журнального столика и была предметом жгучей зависти Васика, который вот уже несколько лет безуспешно пытался старинную вещицу купить или выменять на что-нибудь.

Но, насколько я знаю, пепельница досталась Даше в наследство от прадеда, который, в свою очередь, получил пепельницу из рук в руки от прадеда собственного – и Даша ни за что с этой семейной реликвией не рассталась бы. А чтобы Васик перестал ее по этому поводу лишний раз беспокоить, она объявила в присутствии свидетелей – то бишь меня – что Васик получит пепельницу лишь в том случае, если окончательно и бесповоротно откажется от употребления всякого рода алкогольных напитков.

С тех пор Васик при виде любимой вещицы лишь тоскливо вздыхает.

– Даша! – позвала я. – А где твой морской цветочек? Я закурить хотела.

– А я убрала его… ее – пепельницу, – проговорила Даша, появляясь в дверном проеме со свежевыполощенным заварочным чайничком в руках, – я, видишь ли, курить бросила, так

что решила, следуя советам специалистов, убрать с глаз долой все вещи, так или иначе напоминающие мне о курении.

Я обреченно вздохнула и убрала обратно в сумочку пачку сигарет и зажигалку.

– Да что ты! – рассмеялась Даша. – Кури на здоровье! Мне почти и не хочется. Я никотиновый пластырь себе купила. Сейчас я тебе блюдечко принесу, куда пепел стряхивать…

Она поставила передо мной блюдечко и снова убежала на кухню. Я закурила, устало раскинувшись в глубоком кресле.

Даша была моей подругой. Лучшей подругой, пожалуй, даже ближе Васика, которого, кстати, мы обе очень любили. Даша вышла из семьи потомственных коммерсантов и, закончив ВУЗ, могла позволить себе некоторое время не работать – что она себе успешно и позволяла. Но в последнее время безделье стало надоедать Даше, а неделю назад я с удивлением узнала – от того же Васика – что моя лучшая подруга занята теперь тем, что пишет книгу. Я тут же позвонила Даше, начала выяснять подробности, но Даша откровенничать со мной отказалась наотрез и просила всякие разговоры о книге прекратить до той поры, пока это несомненно гениальное произведение не будет закончено.

Ну что ж… Хозяин – барин, как говорится…

Через десять минут мы с Дашей уже сидели в креслах – друг напротив друга – за журнальным столиком и пили ароматный зеленый чай.

Даша расспрашивала меня о том, что случилось со мною за то время, пока мы с ней не виделись, а я, рассеянно отвечая на ее вопросы, все думала о том, как бы мне начать разговор, из-за которого, собственно, я сюда и приехала – и ждала, пока Даша сама заговорит о Васике.

Я вдруг поняла, что мне отчего-то не нравится вся эта история с Васиковой внезапной любовью. Вроде бы ничего, что могло бы вызвать мое беспокойство, в этой истории нет, но неуловимое ощущение надвигающейся беды уже начинало мучить меня.

Пока я не могла в точности определиться со своими чувствами.

– Кстати, – прервавшись, проговорила вдруг Даша, отстраняясь от неосторожно выпущенного мною синего облачка табачного дыма. – Ты Васика не видела? Что-то он давно мне не звонил… Совсем вы меня забыли. А еще называется – лучшие друзья…

– Именно по поводу этого обормота я к тебе и приехала, – выпалила я давно заготовленную фразу.

– Да? – качнула головой Даша. – Что с ним еще случилось? Подвергся нападению гомосексуалистов, как в прошлом году? Или снова – пьяный – пытался угнать в Турцию трамвай, как три месяца назад?

Я чуть улыбнулась.

– Да нет, – сказала я, – все не то… Понимаешь, Даша, в чем дело… – тут я выдержала интригующую паузу и внушительно закончила:

– Васик влюбился!

– Что? – ахнула Даша. – Васик? Наш Васик – влюбился? Вот это здорово!

– Здорово, – согласилась я, – влюбился и, кажется, по-настоящему.

– Наш Васик?!

– Ну да, – сказала я, – наш. Может быть, ты знакома с каким-нибудь еще Васиком, который трамваи в Турцию угоняет время от времени…

– Нет, – проговорила Даша, – не знакома, – А в кого он влюбился, если не секрет?

– Не секрет, – сказала я, – зовут избранницу Васика – Нина Николаевна Рыжова… Погоди… – добавила я еще, – Васик выяснил адрес этой самой Рыжовой и ее телефон. То есть – по телефону адрес и выяснил. Вот.

Я извлекла из своей сумочки искомую бумажку и передала ее Даше.

– Ну и что? – повертев бумажку в руках, осведомилась Даша. – Зачем мне ее адрес? Кто она такая… эта Нина Николаевна Ры… Рыжова?

– Рыжова, – подтвердила я, – а кто она такая – я пока не знаю. Но собираюсь это выяснить. И к тебе приехала с тем, чтобы ты мне помогла. Ведь твой родитель каким-то образом связан с правоохранительными органами города. Вот я и подумала, что ты могла бы попросить его… Ну, вдруг на эту самую Рыжову у ментов есть какая-то информация, а отдавать Васика в руки сомнительной особы – что-то не хочется… Сделаешь?

– С какой стати? – осведомилась Даша. – То есть, я хочу сказать, с какой стати тебе нужно что-то выяснять про эту особу? Почему ты решила, что она уголовница? Ну, влюбился Васик, ну и что? Неужели ты так не доверяешь его вкусу? Нам-то с тобой что до этого? Его личная жизнь… Даже как-то неприлично вторгаться в нее.

Я почувствовала себя довольно глупо. Даша рассуждает вполне логично. А я со своими глупыми и, вполне возможно, беспочвенными подозрениями и опасениями…

– Влюбился-то он, конечно, влюбился, – высказалась я, – только вот любовь у него получается такая… односторонняя, как говорят.

– Неразделенная? – догадалась Даша.

– Вот именно, – кивнула я, – так вот, сегодня утром Васик приехал ко мне домой и – сам – попросил помочь ему. Помочь ему приворожить объект страсти.

– Приворожить? – удивленно протянула Даша.

– Ну да, – сказала я, – используя свои исключительные экстрасенсорные способности. Ну, ты понимаешь…

– Нормально, – неопределенно качнула головой Даша, – и ты согласилась?

– Я сказала Васику, что помочь ему можешь только ты, – проговорила я и щелкнула зажигалкой под очередной сигаретой.

– Я?! – изумилась Даша. – Это каким же образом? Я привораживать не умею…

– Насильственное вторжение в сознание человека, который ни в чем не виноват, кроме того, что очень-очень понравился Васику, – начала объяснять я, – по меньшей мере, безнравственно. А если вдуматься – то вообще – преступно.

– В принципе, – произнесла Даша, задумчиво глядя на вспыхнувший огонек моей сигареты, – я с тобой вполне согласна. Тем более, что сама говорила нечто подобное минуту назад. Я только одного не могу понять.

– Чего?

– Зачем нам нужно вмешиваться в личную жизнь Васика? – снова сформулировала Даша.

– Но он же сам… – начала было я, но была тут же прервана взметнувшимся вверх Дашиным острым указательным пальчиком.

– Даже если он сам об этом попросил, – четко выговорила Даша, – говорю тебе с полной уверенностью, как дипломированный специалист-психолог, – Даша неожиданно перешла на наставительный тон, – Васик – личность крайне неуравновешенная. Васик, с самого детства избалованный родительской заботой, отягощенный кучей комплексов, неудовлетворенный окружающей его действительностью – отсюда алкоголь, посредством которого он временно блокирует свое сознание от внешних воздействий, тем самым создавая иллюзия внутренней свободы личности. Если принимать во внимание концепцию Юнга…

– Даша! Даша! – закричала я. – Мне очень интересна концепция Юнга, но, может быть, ты расскажешь мне о ней потом, а? А сейчас, пожалуйста, кратенько – скажет то, что хотела сказать.

– Короче, – вздохнув, проговорила увлекшаяся вдруг Даша, – Васику просто-напросто необходимо ощущать твою поддержку. Ну, или мою поддержку. Все равно – чью… Я тебе предлагаю вот что – Васику ты говоришь, что начала действовать в плане приворота объекта его страсти, а сама… Ну, ты меня понимаешь, – загадочно закончила свое высказывание моя подруга.

– Н-нет, – честно сказала я, – пока что-то не очень понимаю.

– Ты ничего не делаешь! – объяснила Даша. – Васику говоришь, что привораживаешь, а сама – ничего не делаешь. Васику просто нужно знать, что кто-то его поддерживает, тогда он будет увереннее себе чувствовать. Понятно? И вовсе не нужно ничего копать про эту… как ее… Рыжову…

Я прикусила губу.

Все-таки – говорить Даше о своих опасениях или нет? Собственно, это ведь не опасения даже, а так… какая-то неясная тень, ощущаемая моим, так сказать, шестым чувством.

Нет, наверное, ничего не буду говорить Даше. Вполне возможно, что я ошибаюсь относительно ощущения опасности, исходящей от никогда не виденной мною возлюбленной Васика – уж слишком расплывчато и плохо осязаемо это самое ощущение.

Но, тем не менее, уговорить Дашу проверить по ментовским каналам Нину Николаевну Рыжову – нужно, как мне кажется.

– Так-то оно так, – проговорила я, – только вот… Неужели ты, Даша, совсем за нашего Васика не беспокоишься? Ведь прекрасно зная его дурацкий характер и склонность ко всяческим пьяным безобразиям, трудно быть уверенным в том, что Васик снова не вляпается в какую-нибудь историю. Ведь верно?

Даша пожала плечами.

– Н-ну да… – как-то неуверенно проговорила она, – но только, Ольга, странно так нянчиться со взрослым человеком. Но если ты просишь…

– Тебе же не трудно, – тут же подхватила я, – просто позвони своему отцу и попроси его, чтобы он, в свою очередь, позвонил своим знакомым – соотвествующим знакомым.

– Ладно, – вздохнула Даша, – сделаю. Вот только…

– Что – только? – поинтересовалась я.

– А что будет, если эта самая Рыжова никогда никаких сложностей с законом не имела и – таким образом – милиция нам никакой… ну, почти никакой информации не сможет дать?

– Тогда – хорошо, – сказала я, – это значит, что избранница Васика – не уголовница.

– А-а… – протянула Даша.

Она немного помолчала, затем проговорила задумчиво:

– Мне кажется, – сказала она, – лучше будет тебе, Ольга, немного пообщаться с избранницей Васика.

– Почему это? – поинтересовалась я.

Даша, отмахнулась от меня рукой, воздерживаясь пока от объяснений, и продолжала:

– Вычислить эту самую Нину, когда мы знаем имя, фамилию и домашний адрес с телефоном, совсем несложно, – проговорила Даша, – ты вроде бы случайно пообщаешься с ней, поговоришь… Ну, допустим, остановишь ее на улице – спросить, который час или… как пройти на станцию метро… А сама тем временем…

– Проникну в ее сознание и узнаю, что это за человек, – закончила я за Дашу.

– Точно, – кивнула мне Даша, – это же не против твоих принципов? Ну и что от того, что ты заглянешь ненадолго в черепную коробку девушки? Это же как… все равно, что приоткрыть дверь в чужую квартиру. Просто посмотреть и все – руками ничего не трогать.

Я неопределенно качнула головой. Конечно, Дашина идея не так плоха, но…

– А если ты это сделаешь, – быстро добавила Даша, – будет здорово. И не нужно вовсе никуда больше обращаться. Что можно узнать из сухих ментовских файлов? Тем более, что я – голову даю на отсечение – уверена в том, что о Нина информации у ментов немного… Не может же она быть на самом деле известной рецидивисткой, которую уже много лет Интерпол совместно с ФСБ разыскивает…

– Надо подумать, – вздохнула я.

– А чего тут думать? – воскликнула Даша. – Где здесь бумажка с адресом?.. Ага, вот она… Поехали! Сейчас вечер – эта девица скорее всего дома.

– Хорошенькое дело, – проворчала я, – мало того, что мне придется вторгаться в сознание совершенно незнакомого мне человека, мне еще и в его квартиру врываться предстоит… То есть – в ее квартиру.

– Зачем это – врываться? – деловито проговорила Даша, убирая со стола чашки и чайник. – Зайдем и спросим… Там придумаем – что спросить.

– Ладно, – произнесла я после недолгих раздумий, – можно съездить. Эх, на что только не пойдешь ради друзей…

– Это точно, – поддакнула Даша и добавила, как бы немного в сторону, – богатейший материал будет для моей будущей книги…

«Вот так здорово, – подумала я, пряча свои сигареты обратно в сумку, – а я думаю, почему Даша так оживилась, когда ей в голову пришла эта мысль… Она, оказывается, собирает материал для своей книги».

– Поехали, – сказала Даша, возвращаясь в гостиную.

* * *

– К дяде Моне, – привычно выговорила Нина, когда с пистолетным щелчком отворилась массивная металлическая дверь, – он дома?

Появившееся в дверном проеме узкое старушечье личико при виде стоящей на пороге Нины сморщилось до размеров сушеной груши.

– А где же ему еще быть? – проскрипела старуха с видимой неохотой впуская Нину в темную и тесную прихожую. – Он, почитай, уже лет двадцать не выходил за порог…

Одной рукой шелестя по отстающим от стен обоям, другую руку Нина вытянула вперед, нащупывая себе дорогу – скорее по привычке – потому что и в полной темноте ориентировалась в прихожей прекрасно – она уже столько раз была здесь.

– Не лапай обои-то… – квакнула вслед Нине старуха, – чего их лапать? И ногами не шаркай… Весь паркет мне истоптали сволочи, бесстыдники…

Нина вдруг подумала о том, что она никогда не разговаривала со старухой, кроме, конечно, тех моментов, когда дежурной фразой сообщала, что идет к дяде Моне. У старухи не было никаких оснований, чтобы ругаться на Нину, и Нина только сейчас поняла, что старухина ругань вовсе не является выражением эмоций, а служит, скорее, продолжением комплекса естественного каждодневного поведения старухи – все равно как вполголоса напевать, стоя над плитой и следя, чтобы кипящий суп не залил газовую горелку.

Когда последняя мысль, закружившись, словно освобожденная от гнета пружина, теряя очертания, улетела в небытие, Нина вздрогнула, поняв, что все еще находиться в темной прихожей, а ее правая рука уперлась в шершавую деревянную поверхность двери.

Нина медленно сомкнула ладонь в кулак и негромко постучала. Ответа на свой стук она дожидаться не стала, потому что никакого ответа не должно было быть. Нина легонько толкнула дверь и шагнула за порог – и оказалась в тесной комнатке, заваленной самым невообразимым хламом и освещенной тусклой пыльной лампочкой под самым потолком.

Нина остановилась.

– Дядя Моня… – шепотом позвала она.

Тени он нагроможденного в комнате хлама высились по стенам, словно призрачные безмолвные чудовища. Нина осторожно огляделась и позвала снова:

– Дядя Моня…

Качнулось одно из призрачных чудовищ, и откуда-то сбоку – как раз из-за поставленного стоймя журнального столика, у которого уцелели только две ножки – появился низенький старичок. Невесомые бесцветные волосы на висках старичка стояли дыбом, обрамляя обширную

серую лысину – волосы едва заметно шевелились при каждом движении старичка, словно тончайшие щупальца омерзительного насекомого.

Нина вздрогнула, но тотчас взяла себя в руки.

– Дядя Моня, – сказала она, – это я.

Старичок улыбнулся и кивнул. Волосы его вздыбились кверху, отчего тень на стене от его головы стала похожа на погружающегося глубоко под воду осьминога. Нина поморщилась и отвела взгляд от стены.

– Я вижу, – проговорил старик, – что это ты… Надеюсь, в этот раз не повторится то, что случилось в прошлый?

– Нет, – поспешно ответила Нина, – не повторится. Сегодня я принесла деньги.

Старик заметно оживился.

– Вот и хорошо, – сладко улыбаясь, заговорил он, – а то я так расстроился тогда… Сколько раз можно повторять вам, что без денег я ничего не дам. И не просите, и не нужно меня просить, чтобы я без денег… Ведь в таком случае нарушается вселенское равновесие…

Нина, не один раз уже слышавшая рассуждения старика о вселенском равновесии, тем не менее, промолчала и даже склонила голову, изображая внимание.

– … действие и противодействие… – закончил хитро закрученную фразу старик. – Камень падает в воду – шумный всплеск и брызги. Тебя ударили – остается синяк. Отдал товар – получил деньги. Понимаешь? За всякий поступок нужно отвечать. В этом смысле торговля – я имею в виду честную и правильную торговлю – яркий пример.

Старик нахмурился и бесцветные волосы-щупальца его угрожающе заколыхались.

– Ведь если бы ты не отдала мне деньги за мой товар, то – по закону вселенского равновесия – ты все равно должна была заплатить. Не мне, может быть, и не деньгами… Как-нибудь по-другому… И кто знает – не окажется ли это цена слишком высокой…

Казалось, старик уже не рассуждал издалека, а вел беседу, прямо привязанную к конкретной ситуации – и тема этой беседы совсем не нравилась Нине.

– Я поняла, – робко кашлянула она, – я все поняла. Закон вселенского равновесия… Да… Но ведь на этот раз я принесла деньги.

– Давай их сюда, деточка, – мгновенно смягчился старик, и тут же волосы-щупальца послушно улеглись вокруг его серой макушки.

Приняв из рук Нины несколько измятых купюр, старик дядя Моня с неожиданным для его дряхлого тела проворством шмыгнул куда-то в глубины захламленной комнаты и ровно через минуту появился снова. В руках он держал аккуратно свернутый конвертиком крохотный бумажный пакетик.

– Вот, – проговорил старик, – получи. Здесь на целый день хватит. А как понадобится еще – заходи ко мне, не стесняйся. Ты ведь знаешь, я всегда рад тебе помочь… Тебе и твоему другу. Приходи – только не забывай о законе вселенского равновесия.

Нину от слов старика передернуло, и старик, кажется, это заметил – мгновенная усмешка мелькнула в уголках его губ – словно острый змеиный язычок.

Нина спрятала пакетик в карман, невнятно попрощалась и, пятясь, направилась к двери. Почему-то она никак не могла заставить себя повернуться к старику спиной.

Вредной старухи в темном коридоре не оказалось, тем не менее, Нина постаралась скорее преодолеть расстояние от двери в комнату старика к входной двери – и только выбираясь на лестничную площадку услышала злобное старухино бормотание откуда-то из самых вонючих квартирных недр.

«А ведь эта старая карга не всегда была такой страшной, – подумала вдруг Нина, нажимая чуть дрожащим пальцем на кнопку вызова лифта. – Когда-то она общалась со мной совсем по-другому… Когда-то, когда Андрей еще не был таким, каким он стал сейчас, когда-то… Три года назад…»

Скрип открывающихся дверей лифта спугнул эту мысль. Нина тряхнула головой и шагнула в ярко освещенную кабинку. Через несколько минут она уже шагала по улице, по-утреннему наполненной буднично спешащими людьми, а спустя полчаса – уже подходила к подъезду собственного дома.

Тогда Нина ускорила шаги.

Она взлетела по ступенькам подъездного крыльца, протянула было руку к ручке двери, но окрик сзади остановил ее.

Нина обернулась, одну руку прижав у груди, а второй, моментально вспотевшей от внезапного испуга, стиснув в кармане бумажный пакетик.

Две молодые женщина стояли у подъезда.

– Девушка, – повторила одна из них – довольно миловидная, с большими, чуть навыкате миндалевидными глазами и аккуратно уложенными русыми волосами, правильно и ладно, лежащими вдоль лица, – девушка, подскажите, пожалуйста, номер вашего дома… Нам нужно родственника найти, мы здесь ходим-ходим… Дома такие одинаковые, а табличек что-то не видно.

Вторая девушка – черноволосая с немного вытянутым лицом – смотрела на Нину с интересом и еще – как Нина вдруг заметила – с непонятным страхом, едва понятно угадывавшимся в черточках ее лица.

– Двадцать пятый дом, – проговорила Нина, – таблички обычно со сторону улиц вешают, а во дворах их нет, – быстро добавила она, избавляя своих собеседниц от необходимости спросить что-либо еще.

И отвернулась, снова протянув руку к двери подъезда… Вернее, хотела отвернуться, но взгляд русоволосой, словно уколов, на мгновение Нину парализовал. Только на мгновение – это странное ощущение полного оцепенения продолжалось меньше секунды – затем русоволосая отвела глаза и пробормотала что-то вроде:

– Спасибо…

Нина кивнула в ответ и, медленно открыв дверь, вошла в подъезд. Она даже не успела испугаться, а весь осадок об этом, конечно, вовсе незначительном эпизоде немедленно испарился при одной мысли о том, что ждет ее, Нину, в собственной квартире.

Глава 3

– И как ты узнала, та самая ли это девушка, которая нам нужна? – поинтересовалась Даша, когда мы вернулись к ее машине, стоящей на обочине проезжей части, прямо напротив большого девятиэтажного дома с табличкой «25» на мышино-серой стене.

Я пожала плечами.

– Разве это можно объяснить? – спросила в свою очередь я. – Мы час стояли у ее двери ее квартиры, дожидаясь… Звонили – никто в квартире не отвечает, значит, там и нет никого. А вышли к подъезду… Я выкурила сигарету, смотрю – она идет. Сразу почувствовала, что это – та самая девушка. Нина Рыжова. Не могу объяснить – просто почувствовала и все. Знаешь, Даша, я ведь много изучала свои… так сказать, особенности. Свой экстрасенсорный дар. Читала соответствующую литературу и все такое… Практики, как ты помнишь, у меня было достаточно… Но все равно – есть то, что я могу объяснить, а есть то, чего я объяснить не могу. Просто… это есть – и все тут.

– Понятно, – сказала Даша, – то есть, мало, что понятно… Ну, ладно. Так тебе удалось проникнуть в ее сознание?

Черт возьми, как я ни старалась взять себя в руки, по моему телу вновь пробежала противная дрожь. Мгновенная и сильная – как судорога.

– Д-да, – проговорила я, – удалось. Проникнуть не проникла – времени было слишком мало – но заглянула. И… лучше бы я этого не делала.

Даша странно посмотрела на меня и, видимо, что-то в моих глазах заметив, чуть побледнела.

– Как это? – почему-то шепотом спросила она. – Что ты хочешь этим сказать?

Примерно, с полминуты я молчала, пытаясь сформулировать ответ.

– Не знаю, – вздохнула я, – так быстро все было. Но у меня такое ощущение, что я заглянула не в мозг живого человека, а в мозг мертвеца. Как в темный колодец… Ничего, кроме страха и… и какой-то обреченности… я не увидела.

– Никакой информации? – спросила Даша.

– Никакой информации, – подтвердила я. – Может быть, если б у меня чуть больше времени было, тогда что-нибудь и получилось бы. Только вот… – меня опять передернуло.

– Что?

– Только вот не хочется мне больше заглядывать в сознание этой Нины Рыжовой, – договорила я и полезла за очередной сигаретой.

– Много куришь, – механически проговорила задумавшаяся было о чем-то Даша.

Она медленно поднесла ладонь к губам и вдруг вскинула на меня испуганные глаза.

– Как же теперь, а? – снова шепотом спросила она. – Как же, Оль?

– Ты имеешь в виду – как нам рассказать это Васику? – мрачно уточнила я.

– Ну да…

– А что рассказывать?

– Ну-у… – Даша замялась, явно не зная, что сказать и оглядываясь по сторонам, будто бы в поисках помощи, – сказать, что встречались с его избранницей и…

– Про темный страшный колодец? – поинтересовалась я. – Таких сведений Васику явно будет недостаточно. Он, судя по всему, втрескался в эту девушку по самые уши, а в таком состоянии человек мало реагирует на мнение окружающих. Даже – на мнение лучших своих друзей. И потом – мы же ничего определенного не узнали. Только какие-то…

– Ощущения, – подсказала Даша, – но ведь ты же у нас не простой человек…

– Не простой, но все же человек, – непонятно к чему проговорила я.

– И тебе свойственно ошибаться! – немедленно подхватила Даша и глаза ее заблестели. – Ольга, я знаешь, что подумала? Ты, наверное, просто-напросто ошиблась… Такое же может быть? Сеанс связи вашей… телепатической продолжался всего ничего – секунду. Даже, по-моему, меньше. Неужели за такое время можно было выяснить что-то определенное? Вот я и думаю…

Даша тараторила что-то еще, но я уже не слушала ее. Нет, не могла я ошибиться, никак не могла. Такого ужасного впечатления в не испытывала давно.

Что там творилось в мозгу этой девушки? Несомненно, что-то страшное – иначе и не может быть.

* * *

Никитишне было восемьдесят два года – она была на два года старше своей соседки и закадычной приятельницы по прозвищу Сикуха. С первого взгляда и Никитишна, и Сикуха были вполне обычными старухами – со стянутыми невидимыми нитями времени высохшими морщинистыми лицами и сгорбленными прожитыми годами хребтами. Но как только они раскрывали давно беззубые рты, становилось ясно, что за долгую жизнь свою старухи повидали много такого, чего обычные люди не могли повидать за две жизни или три.

А дело в том, что в прошлом Никитишна и Сикуха были, как это называется на сухом милицейском языке – ворами-рецидивистами. Или – воровайками – как это называется на ярком и полном насыщенных образных выражений уголовном жаргоне.

Свой творческий путь каждая из бабушек начинали еще в годы Великой Отечественной войны – тогда, когда их сверстницы во все лопатки работали на победу над фашистской Германией, Никитишна, которую, несмотря на ее юный возраст, и тогда называли Никитишной и Сикуха, которую Сикухой звали, кажется, с самого рождения, усердно пожинали плоды напряженного труда своих воодушевленных патриотическими радио-призывами сограждан.

И сколько веревочки их жизней не вились, но наконец свились в одну – в лагере где-то под далеким Сыктывкаром – году в сорок пятом – и с тех пор не развивались.

Успешно проведя половину своих жизней в воровских малинах, а другую – в уголовных лагерях, Никитишна и Сикуха нашли свою тихую пристань в доме номер двадцать пять в одной однокомнатной квартире, оставленной Сикухе в наследство от ее родной сестры, которая неслышно скончалась на этой же квартире два года назад.

И все эти два года во дворе дома номер двадцать пять можно было наблюдать заслуженных уголовных бабушек, вдвоем оккупировавших большую лавочку у подъезда – другие старушки Никитишну и Сикуху боялись и старались с ними не контактировать совсем. Впрочем, как и остальные жители дома, напуганные рассказами сантехника Димы Бахмурова, который как-то раз по пьяному делу решил стрельнуть у Сикухи десять рублей на очередную бутылку, в результате чего не только не получил искомой суммы, но и лишился всех своих денег и двух зубов в придачу.

Как в любой другой день, сегодня Никитишна и Сикуха вышли к подъездной лавочке с самого раннего утра. Около часа они сидели молча, так как ничего интересного во дворе не происходило, а все темы, которые можно было обсудить раньше, бабушки давным-давно обсудили.

Наверное, они так бы и просидели до вечера на своей лавочке, не проронив ни слова, если бы безмолвный их покой не нарушило натужное гудение подъехавшего автомобиля.

У самый ступенек подъезда расхлябанно кативший по двору автомобиль остановился, едва не ткнувшись тупым носом в стену дома. Минуту автомобиль стоял неподвижно, пока не заглох гудевший мотор и через открывшуюся дверцу не вывалился длинноволосый парень неряшливо, хоть и недешево одетый и, как это можно было сразу заметить, вдребезги пьяный.

Старушки с немедленно вспыхнувшем огоньком любопытства в глазах уставились на горе-водителя.

– П-приехал… – пробормотал парень и, не удержавшись на ногах, рухнул навзничь, едва не разбив литровую бутыль водки, которую он нежно прижимал к груди, словно новорожденного ребенка.

– Зараза, – восхищенно проскрипела Сикуха, – как нажрался-то… Совсем, падлы, охренели – на ногах стоять не могут, а тачаны гоняют.

– Это что, – тотчас откликнулась Никитишна, – я надысь в троллейбусе ехала, так там шоферюга кирной был. Троллейбус на каждой остановке с проводов слетат.

– Мусоров на таких уродов нет, – подтвердила Сикуха, не сводя глаз с парня.

Длинноволосый между тем, поднялся на ноги и, видимо, для подкрепления потраченных для этого сил, отхлебнул из бутылки изрядную дозу водки.

– Во дает, – шепнула Сикуха своей подруге, – водяру как воду хлещет.

Парень, оторвавшись от бутылки, остервенело помотал головой и сделал несколько нетвердых шагов по направлению к подъезду. Остановился и, очевидно, передумав, повернулся и, пошатываясь, добрел до лавочки. Сикуха и Никитишна не успели оглянуться, как он грохнулся на лавочку в аккурат между ними.

– Из… Из-звините… – икнув, проговорил парень, – это… я тут в гости ехал, и… и нажрался. Теперь мне стыдно в гости идти. Я па-па-па… па-пасижу тут с вами.

Никитишна оглянулась на Сикуха, словно ей нужно было, прежде, чем выдать парню разрешение, получить подтверждение от своей подруги. Но Никитишна была занята тем, что умело и ловко проверяла содержимое карманов пиджака и брюк парня со своей стороны.

Тогда Никитишна сказала:

– Валяй, сиди… – и снова посмотрела на Сикуху.

Та, широко улыбаясь, продемонстрировала ей бумажник, только что извлеченный из кармана пьяного и знаками посоветовала своей подруги занять парня беседой.

Никитишна кивнула.

– Тебя как зовут, касатик? – ласково осведомилась она у парня.

– В-василий… – ответил парень и снова отхлебнул из бутылки.

– В гости приехал? – спросила Никитишна.

– Ага…

– А к кому?

– К… к одной девушке, – ответил Васик и вдруг некрасиво взрыднул. – Люблю я ее, понимаешь, бабка? А она… она… Да что там…

Васик энергично махнул рукой и опять влил себе в глотку изрядную порцию горячительного напитка.

– Потому и нажрался, – отдышавшись, сообщил он.

– Почему – потому? – немедленно задала очередной вопрос Никитишна.

– Потому что – люблю, – пояснил Васик и всхлипнул. – Нет моих сил больше выносить… т-такую муку. Только вот в-вод… водка помогает. Немного…

Сикуха с интересом разглядывала мобильный телефон, который секунду назад с удивительной ловкостью, отточенной десятилетиями, сняла с пояса ничего не замечающего Васика. Как только Васик, икнув, потянулся в нагрудный карман за сигаретами, Сикуха проворно спрятала стыренный телефон в складки своего старенького штопанного-перештопанного пальто.

– Совсем я измучился, – закурив, доверительно проговорил Васик, обращаясь к кивавшей в такт его словам Никитишне, – н-не могу больше. Раз в жизни по-настоящему и теперь вот… Э-эх…

Снова отмахнувшись, Васик зажмурился и опять приложился к бутылке.

– Что же ты, касатик, пьешь-то так много, – включилась в разговор Сикуха, рассовав украденные у Васика вещи по карманам, – вредно пить-то столько. Совсем ничего соображать не будешь…

– А я и так не соображаю, – брякнул Васик.

– Поделился бы… – продолжила свою мысль Сикуха.

– А… – пробулькал Васик, – это пожалуйста. Эт-того сколько угодно…

Он протянул бутылку Сикухе, и та, сделав чудовищный глоток вернула бутылку не Васику, а Никитишне. Никитишна бодро взболтала водку и опрокинула бутылку над своей древней пастью. Едва ли не половина литра винтом взбурлившейся жидкости исчезла в недрах старухиного желудка.

Никитишна замерла на секунду, словно прислушиваясь к тому, как улеглась внутри нее водка. тряхнула головой и, смачно рыгнув, удовлетворенно промолвила:

– Хорошо, бля…

– В натуре, – подтвердила порозовевшая Сикуха.

– Вот это да! – восторженно завопил Васик, который вдруг напрочь забыл о своей беде. – Вот это класс!.. Р-раз и полбутылки как не бывало. Даже я так не умею. Научите, бабушки?

– Отчего же, – с готовностью закивали закутанными в цветастые платочки головенками старухи, – доброму человеку всегда помочь рады.

– И я! – откликнулся Васик, – и я р-рад помочь… Вот сейчас…

Неловко опрокинувшись на скамье он полез в карман пиджака, видимо, в поисках бумажника, который давно уже покоился в пальто пронырливой Сикухи.

Старухи переглянулись и, схватив Васика за руки, заголосили, словно вокзальные цыганки:

– Ой, ты совсем не так нас понял, касатик, – причитала Сикуха, – совсем не так…

– И не нужны нам твои деньги, и видеть мы их не можем, эти деньги, и слышать о них, – вторила ей Никитишна.

– Нам не деньги вовсе нужны твои, а доброе слово! – взвыла Сикуха.

Васик опустил руки.

– Не хотите, к-как хотите, – проговорил он, пожав плечами, – я думал…

– Мы же не нищие, – гордо заявила Сикуха, – мы честные старушки, живем на пенсию…

– Да-да, – подтвердила Никитишна, не сводя глаз с бутылки водки и беспрестанно облизываясь, – на одну только пенсию живем…

– А за такое хорошее к нам отношение и угощение богатое, – тараторила дальше Сикуха, – мы тебе все-все можем рассказать. И про любовь твою и… все-все… Мы гадать можем.

– По руке или по картам, – подхватила Никитишна, – по волосам… А я лучше всего по бутылке гадаю.

– По бутылке? – удивился Васик. – А это как?

– Сейчас покажу, – с готовностью согласилась Никитишна, – это проще простого. Дайка мне бутылку, – потребовала она.

Васик протянул ей бутылку с остатками водки.

– А мне покурить, – квакнула сбоку Сикуха.

Васик достал пачку и, не глядя, сунул ее под нос старухе. Сикуха ловко выгребла из пачки несколько сигарет, одну схватила зубами, остальные спрятала; достала откуда-то громыхнувший коробок спичек и немедленно задымила.

– Так как же можно по бутылке-то гадать? – нетерпеливо спросил у Никитишны даже несколько протрезвевший от любопытства Васик.

– А очень просто, – проговорила Никитишна, – перво-наперво нужно бутылку опорожнить.

Прежде чем Васик успел промолвить слово, бабушка запрокинула голову и вылила остаток водки себе в рот.

– Вот так, – заурчав от удовольствия, проговорила она, – теперь можно и погадать.

Васик изумленно мотнул головой.

– Твоя маруха на каком этаже живет? – спросила Никитишна у Васика.

– Моя… кто?

– Ну, девушка, которую ты любишь – она ведь в этом доме живет?

– Ага.

– В этом подъезде?

– Точно, – восхищенно произнес Васик, – к-как ты это узнала, бабуля?

Сикуха прыснула в коричневый кулачок, а Никитишна, все так же сохраняя серьезность, посмотрела на Васика сквозь стекло опустевшей бутылки.

– Это тайна, – загадочно высказалась она и задала следующий вопрос:

– В какой квартире она живет?

– Кто? – икнув, осведомился Васик.

– Девушка твоя!

– В сорок пятой…

Никитишна страшно нахмурилась и проговорила:

– Видится мне, что твою девушку зовут Нина.

Васик открыл рот.

– Вот это круто… – произнес он, – и это все бутылка сказала?

– А кто же еще?..

– Нинка из сорок пятой квартиры? – досасывая окурок осведомилась вдруг Сикуха.

– Ага! – повернулся к ней Васик.

– Эта та, что к Моне ходит? – припоминая что-то, спросила Сикуха у своей подруги.

Нечто похожее на испуг промелькнуло в глазах Никитишны.

– К Моне? – почему-то шепотом переспросила она. – А откуда ты…

Никитишна, не договорив, отбросила от себя бутылку.

– Все, – объявила она Васику, – больше гадать не буду. Больше ничего не получится…

– Как это – не получится? – не понял Васик. – Так все хорошо получалось… А что это за Моня такой?

Старухи переглядывались между собой, словно разговаривали на собственноручно изобретенном языке – непонятном и не слышном для других людей.

– Что это за Моня? – повторил свой вопрос Васик.

– Какой такой Моня? – очень натурально удивилась Никитишна.

– К которому Нина ходит!

– Нина? – квакнула Сикуха. – А мы никакой такой Нины не знаем… И тебя, гражданин, тоже…

Васик изумленно протер глаза.

– Да как же вы… – проговорил совершенно сбитый с толку непонятно отчего изменившимся поведением бабушек Васик, – вы же сами…

Никитишна, неприязненно поджав губы, отодвинулась от Васика и, отвернувшись, стала смотреть на резвящихся на веточке березки воробьев.

Васик перевел взгляд на Сикуху.

– Вы чего, гражданин? – немедленно заголосила та. – Ежели пьяный, то домой идите, нечего здесь к честным бабушкам приставать. Мусоров, что ли, вызвать?

– Не н-надо, – ошеломленно выговорил Васик и поднялся с лавочки.

– Идите, гражданин, идите! – крикнула ему вслед Сикуха. – Ишь, развелось их здесь, пьянчуг! А еще и на машине! Такой – задавит и даже не заметит.

– Да что там базарить! – подключилась и Никитишна. – Ментов надо вызывать – вот и все! Сейчас побегу позвоню – и заберут его! В вытрезвитель!

Васик вскарабкался на сиденье своего автомобиля и не без труда повернул ключ в замке зажигания.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он, – или это я нажрался до сумасшествия, или это бабки стебанутые какие-то… И кто этот Моня? И зачем Нина к нему ходит?

Провожаемый истошными проклятиями вовсю разошедшихся Никитишны и Сикухи, Васик вырулил со двора и покатил на проезжую часть.

– К чертовой матери… – бормотал он, – еще и правда мусоров вызовут. А те – если поймают – вообще прав лишат опять. Я же не миллионер каждую неделю себе права покупать?.. А старушек тех, однозначно, в дурдом сдавать пора…

* * *

Когда машина Васика скрылась из виду, Никитишна и Сикуха дружно перевели дух.

– Какого хрена ты с этим козлом вообще начала про Нинку базарить? – осведомилась Сикуха.

– Я же не знала, – пожала плечами Никитишна, – что Нинка с Моней повязана. А ты, если знала, чего мне не сказала.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – высказалась Сикуха, – то есть – помрешь быстрее.

Никитишна несколько минут молчала.

– Знаешь, что Сикуха, – проговорила она наконец, – падла ты в таком случае.

– За падлу ответишь! – вскипела Сикуха.

– Смотри! – угрожающе произнесла Никитишна. – Как бы самой отвечать не пришлось… Сколько надыбала у бухаря этого?

– Да так… – неохотно ответила Сикуха, – по мелочи…

– Не свисти! – проговорила Никитишна. – Ты чего это, Сикуха, крысятничать стала на старости лет? Я на стреме стояла, ты работала – так делиться надо. Или нет?

Сикуха только-только открыла рот, чтобы что-то ответить своей собеседнице, как вдруг где-то в складках ее пальто прозвучала нежная трель.

– Чегой-то такое?! – вскрикнула Никитишна.

– Не баси, – важно сказала Сикуха, – мобила звонит. Она вытащила на свет божий испустивший еще одну трель мобильный телефон и, наугад потыкав пальцем в кнопки, поднесла его к уху.

– Але, – проговорила Сикуха в трубку, – Смольный слушает… Васика? Нет никакого Васика. Вы ошиблись номером…

И тут же отключила телефон.

Никитишна посмотрела на Сикуху и неуверенно захихикала.

* * *

– Сегодня весь наш город вышел проводить в последний путь известного политика, имя которого знаю не только в нашей стране, но и за рубежом. Конечно, найдется ли хоть один человек на земном шаре, который бы никогда не слышал фамилии… – диктор с телеэкрана скосил глаза куда-то влево и, помедлив секунду, произнес совершенно незнакомую мне фамилию.

Я отвела взгляд от телеэкрана. Даша снова набирала номер, пытаясь дозвониться Васику.

– Что за черт? – удивленно проговорила Даша и посмотрела на телефонную трубку у себя в руках.

– Что случилось? – осведомилась я.

– Не туда попала, – ответила Даша, снова набирая номер мобильного телефона Васика, – ну вот… – проговорила она, прослушав несколько длинных гудков, – теперь никто не берет трубку.

– Наверное, этот балбес снова телефон свой посеял, – предположила я.

– Наверное, – вздохнула Даша и положила трубку на рычаг телефонного аппарата.

Я снова посмотрела на часы.

– Да перестань ты, – сказала вдруг Даша.

– Перестать – что?

– Все время с циферблатом сверяться, – уточнила Даша, – оставайся у меня ночевать. Тебе же далеко ехать домой. А метро скоро уже закрывается. Чего тебе спешить? Как раз пирог подоспеет. Чай попьем.

– Вообще-то, – напомнила я, – мне завтра на работу с утра…

– Ну и что? – проговорила Даша. – От меня и поедешь. В первый раз, что ли?

– Нет, – качнула я головой, – не в первый.

Даша внимательно посмотрела на меня.

– Что-то ты такая… – начала она.

– Какая?

– Рассеянная, – сформулировала Даша. – После того, как мы повстречали эту девицу… Нину Рыжову… ты просто сама не своя.

Я промолчала. Не объяснять же мне Даше… Да и нечего мне объяснять. Я сама до сих пор не могу разобраться в том, что я ощущаю после того, как заглянула в глаза этой девушке… Нине.

– Ну ладно, – сказала Даша, – не хочешь говорить, не надо. Я сейчас, – добавила она, поднимаясь с кресла, – посмотрю за пирогом…

Когда Даша вышла из гостиной я откинулась на спинку кресла и устало прикрыла глаза. Да, денек выдался не сказать, чтобы очень легкий… Васик, работа, поездка к Даше, да еще и эта девушка.

Что все-таки так мучит меня? Что было в ее глазах такого, что…

– Похоронная процессия, тянущаяся через весь город, змеей опоясывала памятник Неизвестному солдату… – вещал невидимый теледиктор.

Я вдруг представила себе эту змею, состоящую из плотно прижатых друг к другу людских тел… сплетенных рук и семенящих ног, потупленных в землю глаз, в которых, наверное, ясно можно было прочитать обреченность и страх перед смертью. Перед смертью того, кого они хоронили и перед своей собственной смертью, пока еще неведомой, но отлично ощутимой вот в такие моменты…

Страх.

Вот именно – страх. Страх стоял в глазах девушки Нины, страх хищной рыбой плавал в мутной глубине ее сознание, когда я заглянула туда.

И это не было каким-то конкретным испугом, и это не было абстрактным страхом или патологической фобией.

Это был…

Настоящий страх – не комплекс эмоций, которые испытывает человек, находясь в определенном состоянии, а первородный сгусток древнейших субстанций, частью вошедших в только что образовавшиеся – первые на этой земле человеческие души.

Я вдруг почувствовала неприятный холодок в левой стороне груди. Ничего подобного я не испытывала никогда, а на своем веку мне выпало испытать многое.

Мне представилась медленно ползущая по опустевшим улицам столицы змея похоронной процессии, в которой уже никак нельзя было различить ее составляющие части – тела людей так переплелись, так тесно вплавились друг в друга, что образовали единую монолитную массу, управляемую клубящимся внутри извивающегося тела страхом.

Змея уже не ползла по улицам, ей уже было по силам не огибать высящиеся коробки пустых домов, а прошивать их насквозь невероятно мощной тупой башкой, на которой сияли два громадных глаза, очень напоминающих большие надгробные венки из мертвых пластмассовых цветов.

Высотные дома, уже не казались такими большими по сравнению со все увеличивавшимся чудовищным туловищем, и когда загрохотали первые железобетонные блоки, сбитые со стен зданий хлещущим во все стороны хвостом, змея стала подниматься над городом, вставать на дыбы, словно принимающая боевую стойку кобра – мне стал видел капюшон – два черных, крыловидных паруса, раздуваемых заунывной музыкой похоронного оркестра.

И тогда с невероятной высоты змея ринулась башкой, на чешуе которой блестели капли заоблачной влаги, прямо вниз – вонзилась в застонавшую поверхность земли и, разрывая планету растущим на моих глазах туловищем, стала погружаться все глубже и глубже, пока чудовищная пасть с тускло поблескивающими холодной яростью глазами не пробила вековую толщу антарктического льда, выбравшись наружу с другой стороны Земли, и кольца принявшей наконец свой настоящий облик змеи не сбросили с поверхности планеты все, что успел нагромоздить человек за короткий век своего существования, которому теперь пришел неизбежный исход.

Змея причудливо изогнулась и замерла, крепко завязнув в обессилевшей планете, как в том самом древнем яблоке, с которого-то все и началось.

Солнце выкатилось только на мгновение, изумленно глянуло на то, что еще недавно было населенной планетой и потухло навеки…

Струна, протянувшаяся внутри моей головы – как раз между висками, наконец-то лопнула, тоненько напоследок прозвенев. Я успела только вскрикнуть, когда твердь ушла у меня из-под ног и все мироздание полетело в первозданную мглу.

* * *

Полет, впрочем, продолжался сравнительно недолго – ну, сколько там полагается лететь человеку, который свалился с кресла на пол?

Когда я утвердилась на коленях, изумленно хлопая глазами и, ощупав свое тело, убедилась, что все еще жива, вопреки посетившему меня ужасному видению, Дашин голос прозвучал снова:

– Ольга! Господи, да ты слышишь меня?!

– Д-да, – с трудом выговорила я, – слышу…

– Я вошла в комнату, а ты сидишь в кресле с закрытыми глазами, будто спишь, – затараторила Даша, поднимая меня с пола – ноги мои слушались меня еще довольно слабо. – Только сразу видно, что не спишь, потому что спина у тебя прямая, будто ты на что-то внимательно смотришь… только глаза закрыты. Что случилось?

– Ничего, – проговорила я и с удовлетворением отметила, что мой язык уже вполне выговаривает слова, – просто… немного задремала.

– Я тебя зову – ноль внимания, – продолжала рассказывать Даша, усаживая меня в то самое кресло, с которого я минуту назад благополучно сверзилась, – я тебе в самые уши кричу: «Ольга! Ольга!» – А ты ничего не отвечаешь. Тут мне стало настоящему страшно и я тебя за плечи тряхнула, а ты вдруг…

Я покрутила головой – вправо-влево, влево-вправо… Действительность нерешительно наполняла мое сознание – с весьма ощутимым гудением вливаясь в многострадальные мои мозги.

– А ты вдруг – когда я тебя за плечи тряхнула – как подскочишь на кресле! Как закричишь! И бух – прямо задницей на пол. Я так испугалась, – закончила с тяжелым вздохом Даша, – что едва не расплакалась… Вернее, даже не расплакалась – из-за того, что так напугалась…

Даша снова судорожно вздохнула – так, наверное, переводят дыхание подводные пловцы, после того, как вынырнут из-под многометровой толщи воды.

– Теперь-то с тобой все в порядке? – осведомилась Даша, опускаясь на корточки напротив меня.

– Теперь – все в порядке, – заверила я ее. – А пирог… – вспомнила я, – пирог готов?

– Да какой пирог? – удивилась Даша. – Я же только дошла до кухни, глянула в духовку и вернулась в гостиную. А там ты сидишь… уже такая…

– Это что же? – выговорила я, мучительно наморщась. – Получается, что я… так сказать, спала – всего-навсего несколько секунд?

– Получается так, – подтвердила Даша.

Ничего себе. Мне казалось, что в наблюдениях за чудовищной змеей прошла не только вся моя жизнь, но и все время существования человеческой цивилизации вплоть до последнего распада, а тут оказывается – несколько секунд.

Я закрыла глаза, но тотчас снова распахнула их. Не хватало, чтобы меня опять посетило подобное ужасающее видение. Да, выходит, не просто так меня мучали непонятные предчувствия, когда мы с Дашей искали встречи с предметом воздыханий Васика.

Только вот природу этих предчувствий, равно как и странное видение, которое едва не свело меня с ума – как все это объяснить?

И что нам делать дальше?

– Как что делать? – переспросила Даша, и я поняла, что опять проговорила вслух последнюю мысль. – Скоро подоспеет пирог, будем чай пить. Но сначала и тебе, и мне не мешало бы выпить успокоительного. Сейчас принесу.

Даша снова покинула гостиную, а я подняла глаза на телевизор. На экране уже светилось обширное кладбище, казавшееся совсем тесным из-за множества людей, заполнивших его. Где-то вдалеке – за нагромождением людских спин, обряженных в черные пальто, и непрерывным и монотонным гудением голоса диктора, местами сливающимся с угрюмыми звуками похоронного оркестра, мелькнула черная змеиная лента надгробного венка.

Я вскрикнула и схватилась за пульт управления, как за пистолет. Нажатием первой попавшейся кнопки мне удалось переключить канал – теперь на экране телевизора мордатый кучерявый дядька вещал что-то о великом императоре Петре Первом неожиданно высоким и подпрыгивающим, как изломанный детский попрыгунчик, голосом.

Я поморщилась но больше никуда переключать не стала – пусть лучше это, чем снова – змеи похоронных процессий.

Даши все не было. Фальцет телеисторика резал мне нервы, а густейшая темнота давила в стекла квартирных окон так, что мне пришлось подняться с кресла и задернуть шторы.

Вернувшись на свое место, я отметила необычную дрожь в пальцах.

«Странно, – подумала я, – что-то совсем я распустилась в последнее время. Если так сдают нервы… Что же не идет Даша? Где она, черт возьми? Чтобы добраться до спальни, открыть шкатулку, где она хранит все свои лекарства, нужно, максимум, полминуты. Ну, две минуты – на то, чтобы отыскать нужную скляночку среди развала всяких упаковок и пузырьков – и принести лекарство сюда… А она сколько уже отсутствует?»

Поднявшись с кресла, я вышла в прихожую. В квартире было тихо и, как я сейчас почувствовала, очень душно.

«Окна открыть, – подумала я, – но тогда синие сумерки змеиными кольцами навалятся… Выдавят стекла и заполнят квартиру… Господи, что это со мной? Кажется, я схожу с ума…»

Я остановилась посреди прихожей. Холодный пот, выступивший у меня на лбу, успел слипнуться ледяной корочкой, стянув мне кожу.

Что происходит?

В чем дело? Почему без видимых причин меня просто на куски рвет от смертельного ужаса.

«Да как же это – без видимых причин? – зашелестел где-то внутри меня тоненький голосок. – Ночь сгущается, и нет спасенья никому. Стены уже дрожат и подаются… Трещины бегут по кирпичам, как железные змеи. Каждого – входящая в дома тьма – передавит поодиночке…»

Чувствуя, что в голове у меня уже мутится от непередаваемого страха, я сделал несколько шагов куда-то в сторону и тут действительность снова поплыла у меня перед глазами, когда я явственно услышала, что кирпичные стены дома, где проживала Даша, затрещали, будто невыносимая тяжесть навалилась на них…

Потом грохот раздался – такой, что задрожала входная дверь…

Больше этого я выносить не могла.

Вскрикнув что-то срывающимся голосом, я рванулась назад в гостиную, но, запутавшись ногами в тонких змеиных кольцах, которые непонятно когда успели покрыть весь пол, я рухнула ничком – не переставая вопить.

Всю квартиру сотрясал оглушительный грохот.

Глава 4

Привычный страх мучил Нину.

Это ощущение было до того изведанным и испытанным тысячу раз, что практически никаких психологических неудобств Нине не доставляло.

А вот в чисто физическом плане это было настоящей пыткой – непереносимой и не сравнимой ни с чем.

Нину просто мутило – и страшно болела голова. Несколько раз ее тело корежили отвратительные спазмы и Нину рвало в приспособленный как раз для таких целей гулкий эмалированный таз, который Нина хранила у себя под кроватью.

Прошло уже полчаса после того, как она отдала бумажный пакетик тому, что лежал сейчас в соседней комнате – сжатый четырьмя холодными стенами.

Прошло полчаса, а значит…

Так и есть – заскрипела, открываясь, дверь и шаркающие шаги наполнили узкое пространство квартиры.

Нина снова перегнулась пополам, свесила голову между колен – ее вырвало в таз тянущейся желтой слюной, наполненной приторно-кислым желудочным соком.

Она едва успела утереть губы и толчком ноги запихнуть таз, на дне которого отвратительно пузырилась мерзко воняющая бурая масса, под кровать – когда дверь в ее комнату распахнулась и на пороге возник невысокий мужчина.

– Нина! – светло и радостно выдохнул он.

Лицо Нины искривила мучительная судорога.

– Нина! – повторил мужчина и замер, точно прислушиваясь к тому, что никак не мог слышать никто, кроме него.

Впрочем, так оно и было.

Мужчина был страшно небрит. Линялые тренировочные штаны обвисли на коленях, продранная во многих местах майка расползалась на хилых плечах мужчины. Давно не мытые волосы падали ему на лицо клочковатыми грязно-серыми прядями, но под этими прядями светилось вдохновение и счастье – гораздо ярче, чем разбивающая тьму голая электрическая лампочка под потолком комнаты Нины.

– Нина! – снова произнес мужчина и сделал несколько нетвердых шагов по направлению к кровати, на которой Нина сидела.

Нина инстинктивно отодвинулась.

– Ты себе не можешь представить, какой напор… Какая сила может быть у гармонично складывающихся нот, – проговорил мужчина.

– Борис… – тихо произнесла Нина, – перестань, прошу тебя…

Мужчина взмахнул руками, будто дирижировал невидимому оркестру.

– Вот сейчас! – выговорил он и прикрыл глаза. – Сейчас ре-диез! Ре-е диез! – звучно пропел он, но взметнувшийся к потолку голос – чистый и сильный – на излете сломался и рухнул вниз.

– И еще! И еще! – продолжал мужчина, размахивая руками. – Тр-р-рам!

– Не надо! – едва не плача попросила Нина. – Борис, перестань!

– Скрипка выходит на первый план, – сообщил мужчина и тряхнул головой так, что волосы его взметнулись кверху, как туча потревоженных мух. Казалось, он совсем не слышит свою собеседницу – и не слышит вообще ничего, кроме поднимавшихся и с размаху стелющихся у него в голове музыкальных волн. – Незаметно стихия переходит в другую симфонию.

Мужчина поднял руки и вдруг притих. Он совершенно замер, только пальцы его едва заметно подрагивали.

Нина поднялась с кровати и на подгибающихся ногах побрела к окну, чтобы установить между собой и вошедшим максимальное расстояние.

– Тр-рам! Тр-рам! – дико взвыл вдруг мужчина, а Нина обхватила голову руками, чтобы не слышать. – Та-а-ам… Та-ам!

Замолчав, он сник и опустил руки. Потом огляделся по сторонам, подняв голову – его взгляд не остановился ни на одном предмета, находящемся в комнате. И сквозь Нину взгляд мужчины прошел, словно сквозь почти не различимую стеклянную преграду.

Минуту мужчина стоял прислушиваясь к полнейшей тишине, словно не веря в то, что уже ничто более ее не нарушит и вдруг рухнул на пол, нелепо разбросав руки и ноги.

Нина, отняв от головы ладони пустым взглядом смотрела на мужчину, скорчившегося на полу, словно сломанная кукла.

Она прекрасно знала о том, что ровно через минуту тщедушное тело забьется в судорогах, искривленный рот будет выплевывать вместе с кусками пены страшные ругательства, а когда мужчина понемногу затихнет, то тело его остынет, превратившись в холодный труп, в котором едва-едва теплится что-то похожее не жизнь.

Нина, бесшумно шевеля губами, отсчитала ровно шестьдесят секунд и тотчас заткнула уши, опережая первый ужасный вопль, рванувшийся с губ забившегося в припадке на полу человека, который всего три года назад в далекое сияющее летнее утро стал законным мужем Нины.

* * *

– Если бы твои психоимпульсы хотя бы номинально соответствовали психоимпульсам обычного человека, – услышала я над собой голос, – то я попыталась бы тебе помочь. Я же все-таки психолог…

– А я и н-не з-знал, что ты т-того… Так пугаешься… – этот голос – зыбкий и колеблющийся – выплыл откуда-то сбоку, фраза, получившаяся неровной и волнообразной, на секунду замерла в моем сознании и лопнула, неожиданно завершившись звучной отрыжкой.

Я открыла глаза.

– Лежи-лежи, – озабоченно проговорила Даша и коснулась ладонью моего лба, – надо было бы мне сразу догадаться, что с тобой не все в порядке… С того самого момента, когда ты… так сказать, пообщалась с этой девушкой.

Я повернула голову и обнаружила, что лежу на кровати в Дашиной спальне. Рядом со мной – у моей головы – сидела на стуле Даша, а в ногах примостился невесть откуда взявшийся Васик.

Даже сейчас – когда я еще не вполне пришла в себя – я могла заметить, что Васик пьян просто зверски. Увидев, что я смотрю на него, он радостно улыбнулся и снова икнул.

– Т-ты прости… – изрядно заплетающимся языком выговорил он, – что я т-того… барабанил в дверь, вместо т-того, чтобы звонить. Н-но мне просто показалось, что так будет это… слышнее… А то – звонок у Дашки уж очень тихий… Совсем тихий.

– Откуда ты взялся? – проговорила я, больше для того, чтобы узнать, слушается меня мой голос или нет.

– П-привет! – удивленно хмыкнул Васик. – Я же тебе только что сказал… Я ех-хал к своей… Я к Нине ехал, а потом решил, что слишком нажрался для этого и… не стал к ней заходить. Потом… не помню. Потом я как-то оказался к Дашкиного дома и подумал – а почему бы мне не зайти к ней в гости. Ну и зашел.

Даша молчала, грустно глядя на меня.

– В машине у меня была еще бутылка водки, я ее всю выдул, пока по городу катался, – сообщил еще Васик.

– Удивительно, как тебя только менты не остановили, – проговорила я, – ты же, кажется, ходить не совсем можешь, а не то, что машину вести.

Васик расхохотался так, что едва не рухнул с кровати на пол.

– Идти я вправ-вду не могу! – воскликнул он. – А вот м-машину… Я же прирожденный водитель! Ни один мент ничего не заподозрит, пока, конечно, не понюхает… атмосферу в салоне.

– Хорошо, – сказала я, – что ни один мент не понюхал атмосферу в салоне. А то ты бы вмиг прав лишился. В очередной раз.

– Ну и что, – беспечно заметил Васик, – потом бы все равно купил новые. Делов-то… Дорого, правда, но куда деваться? Пешком-то мне не не очень привычно передвигаться. Я с комфортом привык. Вот помнится, как-то по пьянке вперся я в один автобус и заснул. А когда проснулся, то почему-то вообразил, что в такси еду. Ну, я и говорю…

Васик, наверное, долго бы еще трепался, если бы Даша на подала наконец голос.

– Васик мне кое-что рассказал тут, – проговорила она, – мне показалось, что это важно. Я хотела обсудить с тобой. Конечно, не сейчас, а когда ты придешь в себя… настолько, насколько возможно, – добавила она и снова вздохнула.

– Я ч-что-то рассказал? – удивился Васик, прервав свое повествование. – Н-ничего не помню. А! Это про старушек-то? Представляешь, Ольга, когда я к Нининому подъезду подъе… подъехал, я к бабушкам присел на лавочку отдохнуть. Так они за пять минут со мной литр водки выжрали. Причем, я только пару глотков сделал…

– Василий! – строго сказала Даша. – шел бы ты на кухню. Попил бы кофе.

– Кофе? – скривился Васик. – Я не пью кофе. Оно, между прочим, вредно на сердце влияет. А я еще молодой, пожить хочу.

– В баре есть немного вина, – негромко проронила Даша, и Васик, не вымолвив больше не слова, вскочил с кровати и, качнувшись напоследок в дверном проеме, исчез. Через минуту из гостиной раздался скрип открываемой дверцы бара, затем звучное бульканье и незамедлительно после этого – звон разбитого стекла.

Даша поморщилась и пробормотала какое-то ругательство – надо думать, в адрес вконец распоясавшегося Васика.

– Не ругайтесь! – прокричал Васик из гостиной, как будто мог слышать Дашино высказывание в свой адрес. – Это я бутылку уронил… И зеркало. И две чашки еще – из серванта выпали. Но я сейчас все быстренько уберу.

– Не смей! – закричала в ответ Даша, приподнимаясь со стула. – После твоей уборки мне вообще переезжать придется!..

Она замолчала и несколько минут напряженно прислушивалась. Из гостиной не донеслось больше ни звука. Тогда Даша снова опустилась на стул у кровати, на которой лежала я.

Я несколько раз открыла и закрыла глаза.

Что это было со мной?

Какой-то кошмар – сильнейший приступ абсолютно беспричинного страха. Такой приступ, что в конце концов я просто потеряла сознание, не в силах выносить навалившегося на меня ужаса.

Совершенно непонятно – чем же был вызван этот страх?

Никаких внешних факторов вроде не наблюдалось, если, конечно, не считать, телевизионного репортажа и похоронах какого-то политика, фамилию которого я так и не смогла запомнить.

Но разве это решающий фактор?

По телевизору каждый день показывают такие гадости, что хоть святых вон выноси, и со мной никогда ничего подобного не случалось.

А теперь…

Веки мои тяжело опустились. Что же меня все-таки так испугало? Я постаралась снова припомнить картинку на телеэкране, и когда передо мной вновь зазмеилась длинная похоронная процессия, направляемая заунывной музыкой, я почувствовала, что меня вновь начинает тянуть в какую-то страшно глубокую яму, доверху наполненную первозданной тьмой, которой никогда не касался луч света.

Испуганно вскрикнув, я открыла глаза.

– Что? Что опять случилось? – низко наклонившись надо мной, проговорила Даша. Она глубоко заглядывала в мои глаза, будто пытаясь найти там ответ на свой вопрос.

Если бы все было так просто…

«Да, – подумала я вдруг, – все дело в той самой девушке. В Нине. Пока я не разобралась, что к чему, Васика на пушечный выстрел нельзя к ней подпускать – совершенно точно. Только вот как ему сказать об этом?»

Я подняла глаза на Дашу и внезапно вспомнила о начавшемся, но неоконченном разговоре.

– Послушай, – произнесла я, – ты что-то мне рассказывала о приключениях Васика у дома той самой Нины. Говорила, что это очень важно.

– Д-да, – неохотно подтвердила Даша, – только вот…

– Что?

– Мне бы, понимаешь, не хотелось снова начинать с тобой разговор об этой девушке. Ты уже столько пережила из-за встречи с ней. И… тем более, так все непонятно… И страшно из-за этого, – неожиданно призналась Даша.

Еще бы не страшно. Страшно.

– Пока мы не разберемся, что к чему, – сказала я, – дело с мертвой точки не сдвинется.

– Это верно, – вздохнула Даша, – но…

– Я в порядке, – сказала я, приподнимаясь на локтях. – Все прошло и теперь со мной все в порядке. Давай, выкладывай, что там говорил тебе Васик.

Даша какое-то время неуверенно смотрела на меня. Чтобы подбодрить ее, я ласково улыбнулась. И Даша тоже улыбнулась мне в ответ – так же неуверенно.

Конечно, не все еще было в порядке со мной. Самое противное было то, что я не могла контролировать все эти непонятные процессы, протекающие в моем сознании, все эти внезапные приступы…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.